

УДК 327

ДИСКУРСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)*

Романова Кира Степановна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат философских наук,
доцент, старший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: romkira@yandex.ru

Аннотация

В продолжении статьи предметом рассмотрения являются вопросы методов и средств, с помощью которых социальные институты совершают работу по дешифровке структур идентичности людей из других исторических эпох, которые могут быть применены для анализа нашей собственной идентичности, для вскрытия дискурсивной, образной природы нашего собственного исторического сознания и памяти.

Ключевые понятия:

идентичность, дискурс, методология, мобилизация, коллективная память, социальная память, культурная память, историческая память, политическая память.

*Уважение к минувшему – вот черта,
отличающая образованность от дикости.*
А.С. Пушкин

*История непосредственно касается нас.
А все то, что касается нас, тем самым
составляет проблему настоящего для человека.*
К. Ясперс

В последнее время как в обществе в целом, так и в профессиональной среде, все чаще стали звучать высказывания, что важнейшей функцией истории

* Романова К.С. Дискурсы исторической памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3–4 (24–25). С. 31–36.

является сохранение социальной памяти – ключевого механизма самоидентификации общества. Историческая память – воспроизводит преемственность и непрерывность социального бытия. Она выступает своеобразным «хранилищем» национальной идентичности. Она содержит знание о судьбоносных событиях, об исторических битвах, о героях исторических событий, о жизни и творческой деятельности выдающихся деятелей науки, техники, культуры, искусства, военного дела, государственных деятелей и политиков. Историческая память – это мощный регулятор общественного сознания. В данной статье историческая, социальная, коллективная память рассматриваются скорее как синонимы, а не как понятия, отражающие определенные специфические особенности. Память – это не абстрактные знания каких-либо событий. Память – это жизненный опыт, знание событий, пережитых и прочувствованных, отражающихся эмоционально. Значимые события в истории страны работают на сплочение общества, а знание истории Отечества – необходимый элемент становления самосознания гражданина России. Сегодняшняя тенденция к переписыванию исторических событий должна определенно насторожить все человечество. К сожалению, некоторые современные радикальные сообщества взяли за основу своих убеждений теорию немецкого представителя иррационализма Ф. Ницше, высказанную им в своей книге «О пользе и вреде истории». Они пытаются по-новому осмыслить исторический опыт трагических событий разрушительных войн, утверждая, что человеку необходимо «вычищать» сознание от несовершенства [5]. Сохранение исторической памяти – главная задача большей части общества, что не принимает искажение событий истории своего народа и борется с нравственным кризисом памяти поколений.

Изучение проблематики памяти мы находим в работах таких философов как: Платон, Аристотель, Плотин, А. Августин, Г. Гоббе, Д. Локк, И. Кант, Г.В. Гегель, К. Маркс, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, П. Рикер, Н.А. Бердяев, М. Лопатин, В. Соловьев, П.А. Флоренский и др. Так, Д.С. Лихачев писал: «Память противостоит уничтожающей силе времени. Память – преодоление времени, преодоление пространства. Память – основа совести и нравственности, память основа культуры. Хранить память, беречь память – это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками. Память наше богатство» [4, с. 14].

Историческая память достаточно часто становится ареной идеологических конфликтов, душевных драм и конфликтов. Переоценка истории, её переписывание, свержение кумиров, забвение героев, разрушение памятников изменяют «энергетический потенциал» культуры. Как справедливо замечает С.Н. Иконникова: «Историческое прошлое является риторическим конструктом настоящего, оно воссоздается в дискурсе, и молчание нередко становится симптомом забвения» [3, с. 220].

Какие же способы передачи памятных событий существовали в истории? Память народа к прошедшим событиям выражалась в различных формах. В старину это была устная передача информации в сказках, легендах и преданиях. Персонажи устного народного творчества наделялись героическими чертами реальных людей, отличившихся подвигами и смелостью. Былинные сюжеты всегда воспевали мужество защитников Отечества. С помощью искусства прошлое сохранялось в рисунках, живописных полотнах, скульптурах, памятниках.

Позже это были книги, дневники, письма. С рождением фотографии, а затем и кинематографа зародилось документальное кино, которое отражало реальные факты действительности. Затем уже – и художественный кинематограф, который идеологически типизировал героика того или иного исторического времени, превращая его в художественно-исторические мифы нашего общественного сознания. В настоящее время основными источниками освещения исторических фактов стали СМИ, составляющей частью которых является интернет. Сегодня в основном они формируют наше восприятие и отношение к опыту прошлого, судьбоносных событий в политике, экономике, культуре и науке.

Таким образом, исследование исторической памяти всегда представляет собой реконструкцию идентификационных структур, свойственных сознанию «вспоминающей» эпохи. Понятия «идентичность» – «память» – «дискурс» – «образ» – «миф» существуют в одном проблемном поле, очерчивая смысловые координаты, в которых существуют современные исследования по истории памяти; и они же, как представляется, достаточно четко показывают, в чем заключается интерес исследований по исторической памяти. Главная задача науки в этом вопросе – систематическое изучение истории со школьной скамьи и достоверное освещение исторических фактов на страницах школьных учебников. Только так мы сможем воплотить в жизнь лозунг: «Сохраним историческую память россиян». Историческая память России многие столетия преодолевает сложности. Это связано с многонациональностью состава населения нашей страны. Каждая этническая группа, входящая в состав России, имеет свою культуру и традиции, религиозные ценности и убеждения. Поэтому особенно важным будет создание единой школьной программы для русскоязычного населения, которая будет направлена на формирование общероссийской идентичности.

Следует в этой связи вспомнить работы М. Хальбвакса. В них автор определял коллективную память в качестве особого сегмента исторического знания, который существует отдельно от академического или научного исторического знания. Он показал, что коллективные представления сообщества о прошлой истории являются одним из ключевых ресурсов формирования внутренней коллективной самоидентичности сообществ, благодаря которой утверждается и поддерживается социокультурная дифференциация, социокультурное разнообразие в их среде. М. Хальбвакс ввел в оборот ещё одно важное понятие – «коммеморация». Им определяются все многочисленные способы, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом [9, с. 22].

Определение способов передачи памятных событий зависит от методологического подхода к определению и пониманию исторической памяти. Так социально-психологический подход, представленный трудами П. Жане, В. Вундта, У. Джеймса, З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма, рассматривает психические явления, связанные с совместной жизнью людей. В своих трудах они исследуют память в ракурсе социальной психологии, где феномену социальной памяти отводится важное место. По их мнению память определяется как элемент социальной жизни человека, имеющий социальный характер. Первым исследованием коллективной памяти в рамках данного направления начал К.Г. Юнг, выделяя «личное» и «сверхличное» или «коллективное» бессознательное,

которое представляет собой более глубокие слои бессознательного, где содержатся общечеловеческие, изначальные образы – архетипы. По происхождению архетипы более древние и составляют так называемый «первичный рисунок» для каждого человека, повторяющийся опыт человечества. Хранение архетипов в коллективном бессознательном осуществляется в форме «наследственных категорий» [10, с. 97]. Юнг считал, что при слиянии личного и коллективного бессознательного происходит расширение личности, ведущее к «состоянию инфляции». Осознание содержания коллективного бессознательного и его размежевание с личным бессознательным позволяет ассимилировать архетипические образы, переработать их и понять.

Коллективная память может длительное время существовать на чисто информационном уровне, когда ее материальные носители не являются востребованными. Актуализируясь в текстах историков, краеведов, журналистов, в медиа-образах и учебниках, коллективная память не просто выступает «гласом народа», предков, идущим из прошлого. Она превращается в информационно-идеологический ресурс, связанный с процессом легитимации властных институтов, современных политических практик. Она транслируется посредством системы символических репрезентаций. Актуализированная коллективная память выступает также одним из важных ресурсов информационных войн, формирует особое поле борьбы, которое сегодня обозначается термином «войны памяти» [6; 8].

Дискурсивный подход к проблемам коммеморации акцентирует внимание на семиотических, аксиологических, образно-интерпретационных и репрезентационных компонентах коллективной памяти. Особое внимание уделяется изучению дискурса ее политических репрезентаций, которые задействованы в такой сфере как политика памяти. Под дискурсом политики памяти подразумевается система форм и способов трансляции и репрезентации прошлого в целях управления коллективной памятью народа [8]. В условиях информационной войны дискурс политики памяти приобретает черты конфронтационности, агональности [6]. Агональность данного дискурса проявляется в конфликтном характере смысловых интерпретаций разными субъектами одних и тех же воспроизводимых в коллективной памяти событий и явлений прошлого.

Культурная память – это такой уровень коллективной памяти, который формируется властным дискурсом и представляет собой сложившийся в конкретной культуре набор знаково-образной, символической и вербальной репрезентации прошлого. Это определенная система культурного кодирования/декодирования прошлого [1, с. 50–59]. В современном обществе важнейшими институтами трансляции культурной памяти выступают институты образования, музеи, выставочные комплексы, контролируемые государством, общественными объединениями и СМИ.

Социальная память – это такой уровень исторической памяти, который формируется в процессе усвоения культурной памяти массовым сознанием. Это – обыденные представления о прошлом, зачастую фрагментарные и противоречивые. Социальная память может быть рассмотрена как составная часть массового сознания, которая характеризуется способностью концентрированно отражать значимую и актуальную информацию о прошлом в тесной

связи с настоящим и будущим. Этот уровень часто представлен социальными стереотипами о прошлом.

Социальная память связана с семейными преданиями и нарративами о значимых исторических событиях. Этот вид памяти, несмотря на свою определенную неполноту и противоречивость, обладает большим организационно-мобилизационным потенциалом, поскольку произрастает из общности переживаний, общей исторической судьбы, общей гордости за преодоленные трудности у большой массы людей. Современной формой проявления этого вида памяти является движение «Бессмертный полк». Каждый год на сайте «Бессмертного полка» (moypolk.ru) появляются десятки тысяч новых семейных историй. Письма, фотографии, воспоминания, выдержки из боевых донесений, наградных документов и проч. Из таких историй складывается прошлое, настоящее и будущее России. Главные персонажи и авторы здесь – простые люди. Это – война в лицах и судьбах, это – история войны, сконструированная «снизу» коллективной памятью народа.

За прошедшие 70 лет восприятие Великой Отечественной войны, в той или иной мере, изменилось не только у ее непосредственных участников, но и у послевоенных поколений россиян. В связи с этим значительный научный и практический интерес вызывает анализ исторического сознания и исторической памяти учащейся молодежи, представляющей собой наиболее образованную часть современной российской молодежи. Результаты социологических опросов свидетельствуют о высоком ценностном, национально-идентификационном и эмоционально-возвышающем значении для молодых граждан России их непосредственного участия в процессах увековечения, коллективного сохранения и ритуально-символического оформления коллективной памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [2].

В мировой науке постоянно дискутируется вопрос о том, какие социально-исторические ценности, знания, образцы поведения, элементы народного творчества должны быть сохранены и переданы последующим поколениям для обеспечения стабильного и эффективного развития общества, для формирования условий обеспечения национальной безопасности страны. Это приводит к актуализации разработки теоретико-методологических проблем изучения политики исторической памяти [7]. Дискурс политики исторической памяти следует рассматривать как важнейший инструмент актуализации и мобилизации прошлого опыта народа, страны, государства. Эффективное управление процессом сохранения, трансляции и актуализации исторической памяти – одна из центральных задач политики государства, которая связана с созданием разветвленной сети институтов национальной памяти, с разработкой стратегических оснований и технологий реализации данной политики.

1. Ассманн Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем М.М. Сокольский. – М.: Языки славянской культуры, 2004–368 с.

2. ВЦИОМ. Великая отечественная война – в рассказах и фильмах. Пресс-выпуск. № 2607. 18.06.2014 [Электронный ресурс]: [http://www. wciom. ru/index.php](http://www.wciom.ru/index.php).

3. Иконникова С.Н. Историческая память как духовный ресурс цивили-

зации // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 г. / СПб. СПбГУП. 2006. – 384 с.

4. Лихачев Д.С. Память истории священна. М.: Правда, 1986. – 63 с.
5. Ницше Ф. О пользе и вреде истории. М.: Изд-во «Фолио», 2009. – 128 с.
6. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Агональный дискурс современной политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 1 (18). С. 10–19.
7. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Великая Отечественная война и политика исторической памяти. Часть I. // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 1 (22). С. 10–17.
8. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Современный дискурс политики памяти // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы: Научное издание / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», – 2015. – (Серия «Российская политическая наука: Истоки и перспективы». Под общ. Ред. О.В. Гаман-Голутвиной). – 375. С. 226–238.
9. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / Морис Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
10. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С. 128.

References

1. Assmann J. Kul'turnaja pamjat': Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti / Per. s nem. M.M. Sokol'skii. – М.: Yaziki slavyanski kulturi, 2004. 368 s.
2. VCIOM. Velikaya otechestvennaya vojna – v rasskazax i fil'max. Press-vypusk. № 2607. 18.06.2014 [Elektronnyj resurs]: <http://www.wciom.ru/index.php>.
3. Ikonnikova S.N. Istoricheskaya pamyat' kak duxovnyj resurs civilizacii // Gumanitarnye problemy sovremennoj civilizacii: VI Mezhdunarodnye Lixachevskie nauchnye chteniya, 26–27 maya 2006 g. / SPb. SPBGUP. 2006. – 384 s.
4. Lixachev D.S. Pamyat' istorii svyashhenna. М.: Pravda, 1986. – 63 с.
5. Nicshe F. O pol'ze i vrede istorii. М.: Izd-vo «Folio», 2009. – 128 с.
6. Rusakova O. F., Rusakov V.M. Agonal'nyj diskurs sovremennoj politiki pamyati // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 1 (18). S. 10–19.
7. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Velikaya Otechestvennaya vojna i politika istoricheskoy pamyati. Chast' I. // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 1 (22). S. 10–17.
8. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Sovremennyj diskurs politiki pamyati // Rossijskaya politicheskaya nauka: Idei, koncepcii, metody: Nauchnoe izdanie / Pod red. L.V. Smorgunova. – М.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», – 2015. – (Seriya «Rossijskaya politicheskaya nauka: Istoki i perspektivy». Pod obshh. Red. O.V. Gaman-Golutvinoy). – 375. S. 226–238.
9. Xal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' / Moris Xal'bvaks // Neprikosnovennyj zasap. – 2005. № 2–3 (40–41). S. 8–27.
10. Yung K.G. Ob arxetipax kollektivnogo bessoznatel'nogo // Arxetip i simvol. М.: Renessans, 1991. S. 128.

UDC 327

DISCOURSES OF HISTORICAL MEMORY (CONTINUATION)

Romanova Kira Stepanovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Candidate of Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: romkira@yandex.ru

Annotation

In the continuation of the article subject to review will be the methods and means by which social institutions perform the work on deciphering structures of identity of people from other historical periods, which can be applied for the analysis of our own identity, for the opening of discourse, imaginative nature of our own historical consciousness and memory.

Key concepts:

identity, discourse, methodology, mobilization, collective memory, social memory, cultural memory, the politics of national memory.